

УДК 81'42:81'367

ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ НА ОСНОВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Геннадий Николаевич Манаенко

профессор кафедры русского языка

Ставропольский государственный педагогический институт

355035, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 417а. manaenko@list.ru

Статья посвящена анализу соотношения языковая единица – единица информации, на основе которого определяется специфика отображения информации различными типами предложений – простыми, осложненными и сложными.

Ключевые слова: единица информации; пропозиция; простое предложение; осложнённое предложение; сложное предложение; коммуникативный статус.

В синтаксических описаниях прежних лет довольно часто использовалось понятие информации. Так, в частности при описании осложненного предложения в отношении обособленных членов предложения утверждалось, что их использование позволяет «дать большее количество информации меньшим количеством предложений» [Бабайцева 1979: 166]. В настоящее же время прежде всего в связи с развитием когнитивной лингвистики это понятие актуализировано практически во всех синтаксических исследованиях и поэтому неизбежно встает проблема соотношения единиц языка и единиц информации: «... вопрос состоит в следующем: можно ли в языке найти соответствие единицам информации? Естественно, речь идет не об аксиологических, оценочных аспектах информации, не о таких ее свойствах как достоверность, новизна, но о грамматических основах ее выражения» [Золотова и др. 1998: 217].

Отвечая на поставленный вопрос, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» принимают в качестве допущения, что «единица информации получает выражение в предикативной единице», и далее, анализируя различные явления «усложнения» информативной (? – Г.М.) и грамматической структур предложения, приходят к следующим выводам: «Иногда терминологически противопоставляют полипредикативности сложного предложения полипропозитивность простого осложненного. Но поскольку под пропозицией понимается единица, содержательно соответствующая сообщению, она не может не быть предикативной. Очевидно, различия в именовании объясняются тем, что в предикатах

простых предложений, организующих сложное предложение, категории модальности, времени и лица выражены, как правило, грамматически, наглядно, а в пропозициях такой наглядности нет» [Там же: 218].

На первый взгляд, в такой трактовке действует «бритва Оккама», поскольку понятия полипропозитивности и полупредикативности становятся избыточными, и в полной мере реализуется программная установка авторов, видящих залог последовательности и объяснительной силы концептуальных построений «в поиске ответа на три вопроса: **о чем? как? для чего?** на всех ступенях анализа. Это поиск взаимообусловленного единства трех характеристик языковых явлений: значения, формы и функции» [Там же: 3]. Но все же, попробуем проследить, так ли это на самом деле и нет ли здесь подмены или смешения понятий разного уровня абстракции и области применения. Начнем с проявления последовательности.

Представляя различные синтаксические дериваты «вторичного, имплицитного предикативного обозначения действия», авторы данной концепции отмечают, что они «могут квалифицироваться как предикативные единицы, но не самостоятельные, не равные коммуникативной единице, а функционирующие лишь в составе полипредикативного предложения» [Там же: 55]. Интерпретируя же пример из Н. Заболоцкого *Старуха подчас удивляет друзей своевольем капризного нрава*, они пишут, что здесь «наблюдается взаимодействие двух моделей (двух пропозиций), сообщающих (1) о свойстве лица (ср. варианты, восстанавливаемые из

компонентного состава предложения: *Старуха своевольна, капризна, У старухи капризный нрав, Старуха отличается своевоьем капризного нрава*) и (2) о воздействии этого свойства на каузируемых субъектов отношения (*Своеволие нрава старухи удивляет друзей*)» [Там же: 209].

Что же извлекает внимательный читатель из приведенных рассуждений?

1. Пропозиция есть предикативная единица, которая по содержанию *соответствует* сообщению, т.е. коммуникативной единице [Там же: 218].

2. «Имплицитно-предикативные» единицы суть те же пропозиции, суть предикативные единицы (явно не по форме, но по содержанию – Г.М.), но *не равны* коммуникативным единицам (по форме? содержанию? – Г.М.) [Там же: 55].

3. Пропозиция-модель (чего? – Г.М.) «сообщает», т.е. *является* коммуникативной (по форме? содержанию? – Г.М.) единицей [Там же: 209].

Вполне очевидные противоречия, наблюдаемые в рассматриваемой концепции, с нашей точки зрения, обусловлены тем, что в данном научном издании нет обоснования и раскрытия таких исходных теоретических понятий, лежащих в ее основах, как *коммуникация, информация, сообщение, предикация, пропозиция* и некоторых других. Возможно, для авторов эти понятия самоочевидны, тем более что, по их утверждению, эта концепция «выросла на фундаменте отечественной науки, впитав богатства позитивных знаний предшествующих грамматик, отобрав из них то, что не вступает в противоречие с материалом, то, что представляется органичным с единой точки зрения коммуникативного назначения и использования русского языка» [Там же: 3]. Однако представляется все же необходимым рассмотреть содержание указанных понятий, опираясь на «позитивные» знания синтаксической традиции.

Согласно словарю О.С. Ахмановой, *коммуникация* – это сообщение или передача при помощи языка некоторого мыслительного содержания [Ахманова 1966: 200 – 201], соответственно, *сообщение* – коммуникативная сторона высказывания, содержащаяся в нем информация [Там же: 441], а *информация* – это сведения, содержащиеся в данном речевом сообщении и рассматриваемые как объект передачи, хранения и переработки [Там же: 184]. Аналогичное представление информации мы находим в «Советском энциклопедическом словаре» [СЭС 1986: 499], «Кратком словаре когнитивных терминов», где наряду с пониманием информации как содержания сообщения, отмечается, что это *знание*, репрезентируемое и передаваемое языковыми формами в коммуникации [Кубрякова и др. 1996:

36]. Подобное встречаем и в «Логическом словаре ДЕФОРТ»: «Информация ... – знание, представленное в форме объективного сообщения, формализованное знание» [Логический словарь 1994: 60]. В соответствии же с современными научными воззрениями одной из форм хранения знаний в человеческой психике выступает *пропозиция* [Кубрякова и др. 1996: 137]. Заметим, что скорее всего пропозиция – это минимальная единица ментальных репрезентаций (знаний), т.е. минимальная единица информации, поскольку содержание других ментальных репрезентаций – фреймов, скриптов, сценариев – вполне разложимо на отдельные пропозиции [Там же: 135], а образная форма репрезентации знаний может интерпретироваться в пропозициональных терминах [Там же: 136].

Пропозиция как структура сознания, в свою очередь, выступает отражением неких онтологически существующих отношений между предметами или предметом и его свойством [Там же: 138]. *Отношение* же – это абстрактная взаимосвязь между объектами, т.е. связь между какими-либо сущностями, выявленная мыслящим субъектом. Поскольку еще А.Ф. Лосев отмечал, что суть человеческого знания заключается в *приписывании* чего-нибудь чему-нибудь [Лосев 1990: 756], то акт познания как раз и заключается в приписывании субъектом абстрактной взаимосвязи каким-либо сущностям, т.е. в *предикации*.

Традиционно предикация понимается как «отнесение данного содержания, данного предмета мысли к действительности, осуществляемое в предложении (в отличие от словосочетания)» [Ахманова 1996: 346]. Однако, как справедливо замечает Ю.А. Левицкий, «отнесение содержания предложения (пропозиции) к действительности (факту) представляет собой не **предикацию**, а **референцию** [Russell]. В данном случае мы имеем дело с обычным смешением понятий, неразличением двух процессов (действий) – референции и предикации» [Левицкий 2001: 49]. Действительно, как зафиксировано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», предикация – это «акт соединения независимых предметов мыслей, выраженных самостоятельными словами (в норме – *предикатом* и его *актантами*), с целью отразить «положение дел», событие, ситуацию действительности; акт создания *пропозиции*» [ЛЭС 1990: 392]. При этом следует заметить, что пропозиция не само «положение дел», а «взгляд» на это «положение дел», т.к. именно говорящий как мыслящий субъект устанавливает связь, соединяет те или иные сущности. В этой связи К.А. Переверзев утверждает, что лингвистика «рассматривает мир в модальности субъекта. Онтологией языка является не то, что обрета-

ется «за окном», а то, что конструируется (концептуализируется) языком...» [Переверзев 1998: 26]. Последнее согласуется с положением теории коммуникативной компетенции О.Т. Йокояма, согласно которому в коммуникации знание никогда не передается объективно, поскольку его «навязывание» слушающему обуславливается тем, что говорящий не описывает ситуацию, а сам создает ее [см.: Голубева-Монаткина 1991; Йокояма 1992].

Таким образом, мы можем говорить о специфике акта предикации, заключающегося в том, что помимо собственно *логического предиката* (обозначающего конкретное свойство, отношение), в нем действует логический оператор – *отношение предикации*, которое понимается в логике как «отношение между объектом и понятием, присущим этому объекту в качестве свойства» [Логический словарь 1994: 171], т.е. заключается в *приписывании*, представляя единицу знания (= единицу информации). В этом смысле пропозиция является результатом акта предикации, в чем нетрудно убедиться, обратившись к словарным статьям любого толкового словаря. В то же время по наблюдению А.В. Пузырева, «предикация как процесс объективно (и/или субъективно) обоснованного приписывания смысла и отличает предложение от слова <...> Вероятно, здесь потребуются переосмысление предикативности, возможно – разведение понятий предикативности и предикации...» [Пузырев 2000: 100]. И если традиционно *предикативность* понимается как актуализированная отнесенность содержания предложения (высказывания) к действительности [Ахманова 1966: 346; ЛЭС 1990: 392], то более точным и соответствующим современным научным взглядам, с нашей точки зрения, выступает понимание предикативности, предложенное Ю.А. Левицким: это есть «форма приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации» [Левицкий 2001: 49]. Здесь как раз вполне отчетливо противопоставляются понятия предикативности и предикации. Кстати, аналогичная точка зрения принята и в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова и др. 1998: 217].

Подведем некоторые итоги анализа теоретического осмысления указанных понятий.

1. Единица информации является минимальной единицей знания и соответствует пропозиции как форме хранения ментальных репрезентаций.

2. Пропозиция как структура сознания представляет логический предикат и соположенные ему актанты.

3. Пропозиция как минимальная форма хранения знаний является результатом акта предикации (приписывания).

4. Акт предикации заключается в приписывании связи двум сущностям, т.е. включает как логический предикат, так и отношение предикации.

5. Коммуникация как процесс представляет обмен знаниями, выраженными в языковых формах.

6. Языковая форма, соотносительная с единицей знания (информации), выражает пропозицию и отношение предикации (приписывание).

7. Подобной языковой формой может быть предикативная единица, т.е. обладающая предикативностью как формой приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации.

Отмеченные особенности не противоречат утверждению, что предикативная единица – это прежде всего простое предложение [Там же: 217]. Отсюда следует, что простое предложение – это языковая форма, выражающая пропозицию и отношение предикации в коммуникации *приоритетно и актуализированно*, поскольку именно данное знание (приписывание связи каким-либо двум сущностям) является коммуникативно значимым для говорящего, или, в другой концепции, именно это знание говорящий «навязывает» слушающему.

Таким образом, передаваемое в коммуникации содержание (пропозиция и отношение предикации) не только субъективно по своей природе, но и обладает коммуникативной значимостью, определяемой интенциями говорящего и опирающейся на условия общения вообще, и его успешности в частности, а также на арсенал «технических средств» языка, способствующих полной реализации замысла речи. К числу последних относится механизм *приоритетных стратегий*, благодаря которому говорящий закрепляет коммуникативную ценность содержания (отдельной минимальной единицы знания) на основе иерархии грамматических средств представления его пропозициональной структуры: *простое предложение >придаточное предложение >оборот >копредикат >определитель >именная группа >служебное слово >грамматическая категория >часть лексического значения >нулевое выражение* [Бергельсон, Кибрик 1981: 344-346].

Почти аналогичное понимание функционирования языковых форм (единиц) мы находим и у авторов «Коммуникативной грамматики русского языка»: «... осмысление функции языковой единицы требует прежде всего идентификации самой единицы, определения ее системных коор-

динат, поскольку речевое употребление языковых средств – это проблема выбора, в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего из синонимического ряда единиц с общими функциональными, семантическими и структурными свойствами» [Золотова и др. 1998: 48-49]. Именно здесь, на наш взгляд, кроется причина наблюдаемых в данной концепции противоречий, потому что говорить об общих свойствах языковых единиц уместно лишь в плане их отнесенности к определенному типу, например, коммуникативных, и в плане выявления различий в их функционировании, семантике и структуре. И если мы определяем в качестве «сообщающих» те или иные синтаксические конструкции, то действительно должны установить, что их делает коммуникативными и чем они отличаются друг от друга.

Безусловно, коммуникативная единица должна выражать пропозицию, но не только: пропозициональная структура ментальной репрезентации предстает в коммуникации знанием только тогда, когда это знание **приписывается**, т.е. сохраняется отношение предикации и происходит «навязывание» знания. Если в коммуникации пропозиция представлена словом, как правило, предикатным, это не «навязываемое» знание, а «разделенное», входящее в общий фонд знаний участников коммуникации и не являющееся объектом обмена и передачи, т.е. *информацией*. Пропозиция может быть выражена различными языковыми единицами, и предикативная единица основная, но лишь одна из них. Конечно, «содержательно» с предикативной единицей могут быть соотнесены все единицы из указанного ряда грамматических средств, выражающих в той или иной форме пропозицию, но не это содержание делает предикативную единицу способной передавать информацию, предназначенной для построения высказываний как коммуникативных единиц, а выражение в ее содержании отношения предикации (приписывания).

Как отмечает Р.М. Фрумкина, принципиальным свойством человеческой психики является пластичность: в отличие от машины человеческий интеллект может оперировать различными по объему ментальными блоками, которые могут укрупняться или разукрупняться (иными словами, определять «масштаб» создаваемой ситуации, которая станет предметом коммуникации), и формирует эти блоки в зависимости от контекста [Фрумкина 1995: 112 – 113]. Именно поэтому так называемые предикатные актанты, определители, номинализации, содержащиеся в «свернутом виде» элементы пропозиции, но не элементы предикации, как утверждается в «Коммуника-

тивной грамматике русского языка», и не выступают в качестве отдельного знания (отдельной пропозиции), а включаются в структуру других пропозиций, которые приписываются в коммуникации, тем самым выступая в качестве единиц информации.

Что же касается таких языковых единиц, как деепричастные, причастные, адъективные обороты, приложения, сравнительные, поясняющие конструкции, компоненты с авторизирующим, оценочным значениями, а также адресата побуждения, то они являются отнюдь не носителями «вторичной предикативности» [Золотова и др. 1998: 217], т.е. языковой *формы*, а носителями «вторичного» *предикационного отношения*, что и находит свое проявление в реализации ими при функционировании в простом предложении (предикативной единице) таксисных значений. Следовательно, это не «предикативные» единицы, а скорее, «предикационные». Весьма показательным в этом плане функционирование причастных оборотов в простом предложении русского языка: если оборот занимает препозицию по отношению к определяемому слову, то обозначаемый им признак осознается в коммуникации как постоянный, не приписываемый. При этом таксисные значения нейтрализуются и данное знание выступает как «разделенное», не становящееся предметом коммуникации, но включаемое в выражение другого знания (пропозиции) – *информационного* (сообщаемого).

Коммуникативные синтаксические единицы – простое предложение, сложное предложение и различные осложняющие, в том числе «полупредикативные», конструкции – в своей семантике заключают не только пропозицию / пропозиции, но и отношение предикации (приписывания), которое и определяет их статус. Не случайно в синтаксической теории утверждается наличие «логических пропозиций», реализованных в сложном предложении: в пропозициональную форму легко вписываются содержательно более крупные ментальные блоки, т.е. места актантов могут занимать другие пропозиции (ситуации), а отношения между ними и выступает объектом приписывания в коммуникации.

Однако языковая система не только позволяет указывать *степень приоритетности* знания в картине мира говорящего через номенклатуру своих единиц, но и подчеркивать его *актуальность* через их комбинаторику. Выбор говорящим синтаксической структуры – простого, сложного и осложненного предложений – «подсказывает» другим участникам коммуникации, что наиболее *актуально* в том или ином высказываемом фрагменте «картины мира» говорящего, соответственно: 1) отношение между участ-

Манаенко Г.Н. ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ НА ОСНОВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.

никами ситуации, 2) отношение между ситуациями, 3) отношение либо между коммуникативно неравнозначными ситуациями, либо между репрезентируемой ситуацией и говорящим. В связи с этим подчеркнем, что при коммуникации определение онтологического статуса информации – знание о сфере объективного мира физической реальности или знание о сфере субъективного психического мира мыслей и чувств индивидуума – есть деятельность того же говорящего в осмыслении фундаментального единства *бытия-в-мире* (М. Хайдеггер).

Система осложнённого предложения, как и системы простого и сложного предложений, определяющая коммуникативный ранг выражаемой информации (знания) в «картине мира» говорящего, позволяет создавать дополнительные (второстепенные и метатекстовые) линии сообщения в тексте. При этом даже сам выбор говорящим той или иной синтаксической единицы показывает, какой аспект представления информации является для него коммуникативно *приоритетным*: представление конструируемой ситуации – тогда используется простое предложение; связь между ситуациями, ее вектор – применяются различные виды сложного предложения; комментарий, выражение отношения, позиции говорящего или существенность в рамках репрезентируемой ситуации предидируемого отношения «следа» другой ситуации («свернутой» пропозиции) – появляется осложненное предложение с разными типами осложняющих категорий. Именно таким образом, т.е. за счет последовательности используемых синтаксических единиц, генерируется и актуализируется интенциональная направленность текста.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979.

Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 343-355.

Голубева-Монаткина Н.И. Рец. на кн.: *Yoko-yata O.T. Discourse and word order* // ВЯ. 1991. № 2. С. 57-68.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Йокояма О.Т. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. 1992. №6. С. 94 – 102.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., 1996.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. Пермь, 2001.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А.А.Ивина, В.Н.Переверзева, В.В.Петрова. М., 1994.

Лосев А.Ф. Критические замечания // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990. Т.1. С. 749-768.

Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // ВЯ. 1998. № 5. С. 24-52.

Пузырев А.В. Элементы и единицы мышления, языка, речи и коммуникации // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000. С.95-101.

Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М.Прохоров. 4-е изд. М., 1986.

Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 74-117.

INFORMATION ORGANISATION IN THE TEXT ON THE BASIS OF SYSTACTIC UNITS INTERACTION

Gennadij N. Manaenko

Professor of Russian Language Department
Stavropol State Pedagogical Institute

The article deals with the analysis of the «language unit – information unit» correlation, on the basis of which the specificity of information representation by different types of sentences – simple, semi-composite, and composite is revealed.

Key words: information unit; proposition; simple sentence; semi-composite sentence; composite sentence; communicative status.